

Молодость Кайзера

Дарья Аппель

Дарья Апфель
Молодость Кайзера

«Издательские решения»

Апель Д.

Молодость Кайзера / Д. Апель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502600-2

Под одной обложкой собраны мистический рассказ, детективно-эротическая новелла, шпионский боевик и психологическая миниатюра. Объединяет все эти жанры главный герой — честолюбивый юный офицер космического флота, которому суждено будет стать самодержавным правителем Галактики. Какие только испытания не выпадут на его долю! Но из них всех он выйдет с честью... Как? Читайте книгу! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-502600-2

© Апель Д.
© Издательские решения

Содержание

Ultima Thule	6
После бала	22
Свой среди чужих	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Молодость Кайзера

Дарья Аппель

© Дарья Аппель, 2019

ISBN 978-5-0050-2600-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ultima Thule

Метель, бушевавшая на Капча-Ланке долгие месяцы, утихла, и над друзьями воссиял прозрачный свет. Словно бы победа, одержанная Райнхардом практически единолично, избавление от злоумышленников, едва не убивших его, мигом развеяла чары, охватившие планету вечного льда и снега.

– Зло повержено, – так второй лейтенант чуть ли не сказал своему другу Кирхайсу. – Не удивлен, если такая погода простоит здесь долго.

– И Капча-Ланка превратится в райское местечко? – подхватил Зиг.

– Вряд ли, конечно, – усмехнулся Райни.

В любое другое время они предались бы обмену шуточками и дружеским пикировкам, но Райнхард был нынче опустошен. Странное чувство – полагается радоваться: враги – по крайней мере, зримые и незримые – уничтожены. Он сделался героем, вот-вот будет переведен в Рейхсфлот со званием выше. Его имя более не будет связываться с бесчестьем, а подвиг заставит умолкнуть мерзкие перешептывания: «Кто таков этот юнец? А, братик той белобрысой шлюшки...», «Везет иметь сестру, которая спит с Его Величеством...»

Заставит ли? Сам-то он в это верил? Кроме того, они с Зигом сегодня сумели только выдернуть драконьи зубы – ведь Хердер и его подельник были лишь наемниками, которые накануне своей бесславной гибели с легкостью выдали свои мотивы. Сам дракон жив – и вполне может отрастить себе новые клыки, дабы сожрать их с потрохами.

– Маркизе Бенемюнде нужна была моя смерть, дабы заставить поплакать Аннерозе... – начал рассуждать вслух Райнхард. Странно, что слова выходили из его горла с трудом, словно там, в глубине, что-то мешало, а собственный голос казался заметно осипшим.

– Какова же подлость, – естественно, упоминание о сестре заставило синие глаза Зигфрида сверкнуть молнией. – Но я опасуюсь за госпожу Аннерозе. Она же не в меньшей опасности... А теперь, когда выяснилось, что ты выжил, обозленная маркиза непременно ее уничтожит.

– Ты прав. Нам непременно нужно быть в столице, – проговорил Райнхард. – Чем быстрее, тем лучше... Я даже не могу помыслить, что эта женщина может задумать в ослеплении собственной злобы.

– Ее план был слишком запутанным, и ты сам это признал, – откликнулся Зиг, когда они уже возвращались на базу в танке.

– Хочешь сказать, что, будь он попроще, мы были бы мертвы? – Райнхард откинулся на спинку кресла. Спина его побаливала, мышцы тянуло, а веки сами закрывались. Тепло смогло его, и он бы с удовольствием замолчал, если бы не знал – нечего показывать свою слабость. А то, небось, подумают, будто его враги взяли верх.

– Нет, – продолжал фон Мюзель. – Проблема была в исполнителях этого плана. Они нас явно недооценили. Или же были глупы, как пробки, что подтверждает и манера этого Хердера командовать операцией.

– Или же и то, и другое сразу, – дополнил его Зиг, озабоченно вглядываясь в его лицо. – У тебя рука как, сильно болит?

Райни недоуменно воззрился на зацепленное в перестрелке запястье, перевязанное бинтом. Крови вышло совсем чуть-чуть.

– Это ж царапина, – произнес он.

– Но, видать, эта царапина тебя ослабила, – Кирхайс снова вгляделся в побледневшее лицо друга. – И с голосом у тебя что-то...

– Сорвал командой на морозе, пустяки, бывает, – отмахнулся он. – „Попью чего горячего, быстро пройдет.“

...На базе их чествовали как победителей, но Райнхард чувствовал себя слишком усталым, дабы присоединиться к торжеству по случаю победы. Потеря командира подразделения в бою несколько не огорчила его подчиненных.

– Очевидно, Хердер был не только плохим стратегом, но и совершенно не умел управлять людьми, – говорил Зиг другу, который полусидел-полулежал в постели. – Его никто не любил, и ни одного хорошего слова я про него не услышал.

Райни заметно дрожал – нынче, в тепле казармы, ему было холоднее, чем тогда, когда он на морозе, в одном мундире, укрывался от пуль полковника.

– Прибавь, пожалуйста, температуру здесь, – просипел он, пытаясь сосредоточиться на словах друга. – Кажется, термостат сломался, и вся комната выстужена.

– Да здесь даже жарко, Райни! – воскликнул его друг. – Наверное, ты простудился...

– Скорее всего, – произнес молодой человек, закрывая вмиг отяжелевшие веки и кутаясь в теплое одеяло. – Я чуть подремаю, если что, буди меня.

– Да, – произнес Зиг. – Кажется, у тебя жар.

– Пройдет..., – прошептал Райни непослушными губами.

Сон, однако, к нему не шел, хотя он его жаждал. Чувство сдавленности и сухости в горле сменилось сильной болью, словно в рот ему насыпали толченого стекла. Холод, казалось, охватил его полностью – начиная от правой лопатки, он распространялся на все тело, стесняя грудь. Там он стоял колом, и Райнхард пытался освободиться от него, вытолкнув наружу кашлем. Но свинцовый застоявшийся воздух, перемешанный с мокротой, сильно царапал воспалившееся горло. И даже пожаловаться на свое состояние было невозможно...

«Без паники. Я просто простыл, как сказал Зиг», – подумал Райни. – «А он всегда бывает прав... В самом деле, почему?»

Образы минувшего дня восставали в памяти...

Удивительно, с какой легкостью он убивал людей. Как просто было видеть, как они умирают. Лично увидел, как умирает Гугенберг, захлебываясь собственной кровью, придавленный осколками. Как летит в снежный обрыв Хердер, предпочтя самоубийство казни за измену вместе со всей семьей... Как падают, сраженные пулями, мятежники. И смерть виделась каким-то обычным, рядовым делом. Ранее, учась в академии, Райни полагал, что ему будет морально тяжело выдержать схватку врукопашную или поединок один на один. Особенно с тем, кого не знаешь. С себе подобным. Но в реальности это оказалось меньшей из проблем. Легко убить,

когда от тебя зависят другие. Легко убить, когда ты сам – объект охоты. А война – не более чем охота, но другими средствами...

Охота – варварство. Стоит ли со всей помпой гоняться за несчастным оленем или расстреливать птиц на болотах? Воистину, возрожденное сибаритство Гольденбаумов, решивших слепо копировать все то, что увидели на старых земных картинах и о чем прочли в земных хрониках... Представители правящей династии оказались крайне неразборчивы. Ничего. Вливание новой крови поможет.

Сердце его забилося часто, озноб сменился жаром, и вмиг одеяло стало безумно тяжелым и душным. «Попить...», – шепнул он непослушными губами. Кто-то – наверное, все-таки Зиг – поднес к его губам железный обод кружки, и Райни осторожно сделал глоток, вызвавший острую боль. Наверное, у него никогда так горло в жизни не болело... Может быть, только в детстве. В раннем детстве, когда мама была еще жива.

Райнхард плохо помнил черты лица женщины, жизнь которой прервалась по нелепой случайности – и после этого все пошло наперекосяк. Но нынче, в полубреду, смог вспомнить ее голос, запах и тепло рук со всей отчетливостью. Присутствие ее казалось столь явным, что Райни даже позвал ее – и она откликнулась: «Сейчас, маленький, сейчас...» – и холодная тряпица легла на его лоб. Затем интонация сменилась на более строгую и сдержанную: «Анни, пойдти погуляй пока... И не заходи сюда, не хватало и тебе заразиться». «Ну мама...», – в голосе сестры слышится явная обида. – «Ты всегда с ним сидишь! С рождения». «Могла бы мне помочь, между прочим... Иди, приготовь чаю». Аннерозе удаляется, и Райни чувствует, сколько в ней негодования и даже ненависти к нему, так некстати появившемуся на свет, задвинувшему ее на второй план... Это чувство в родной сестре, которую он, сколько себя помнил, всегда воспринимал как вторую мать, безусловно его любящую, за честь которой лишил жизни человека, пусть и мерзавца, было для него диким и странным. Как так можно-то? И все же, она изменилась... Изменилась. А, может быть, нет? Кто-то говорил, – или он где-то читал – что люди с детства мало меняются...

Впрочем... От мыслей голова разболелась еще сильнее, и Райни смог, наконец, впасть в забытье, которое, однако ж, не принесло ему никакого облегчения. Наоборот, в ушах его раздавались слова: «Враги, кругом враги...», и они подходили черными тенями к его постели, шепча: «белобрысый ублюдок...», «брат шлюхи», «ты вообще не должен был родиться», наваливались на грудь, вставляли под ребра острые стекла... Наконец, явилась женщина-змея с узкими злыми глазами и длинной косой – сама мадамуазель Бенемюнде, экс-фаворитка кайзера Фридриха-Вильгельма Четвертого – и прошептала: «Ты думал, что легко отделаешься? Ничуть! Вот теперь ты точно сдохнешь, и эта мерзкая сучка выплечет все глаза над твоим трупом!» Ее тонкие, но жилистые пальцы, украшенные острыми, выкрашенными в алый цвет ногтями, сдавили его горло. Он пытался вывернуться из их тисков, но маркиза только мерзко хохотала ему в лицо, и каждый поворот шеи отзывался дикой болью, а из горла вырывался лишь сдавленный хрип... Когда смерть казалась такой близкой и такой позорной, послышался знакомый голос Кирхайса, от которого Райни чуть ли не прослезился: -Тише, тише, мы тебе сделали укол, сейчас жар на спад пойдет...

И впрямь, стало легче. Немного легче. Из глубин кошмара его вынесло на поверхность. И он смог облегченно вздохнуть, приоткрыв глаза.

– Вы, признаться, сильно испугали нас, – заговорил доктор, тот самый насмешник, бывший детский врач, призванный в армию. – Вкололи «тройчатку», потому как температура уже за сорок перевалила...

– Что... со мной? – прохрипел Райни, ища глазами Кирхайса. Он видел его краем глаза.

– Откройте рот, скажите «ааа», – произнес врач на его реплику, и Райни покорно подчинился, хотя даже это действие далось ему с трудом. Противный металлический шпатель больно прижал распухший язык.

– О, как все запущено... Лакунарная ангина, не иначе. Небось, сосульки на вкус пробовали, ха-ха, – пошутил и сам засмеялся доктор.

– Доктор, – заговорил Кирхайс. – Неужели это так опасно? Болезнь же детская, вы сами сказали...

– Болезнь детская, но и взрослые ею заболевают постоянно. И мне не нравятся эти приступы удушья... Как бы тут не дифтерия, тем более, с такими налетами на миндалинах. Нужно проверить, мазок взять... Да и кровь не мешало бы. Но смысл какой? У меня ж нет тут лаборатории... Ладно, продолжим осмотр.

Доктор вынул стетоскоп и внимательно прослушал грудь больного, то и дело качая головой.

– Что ж, целый букет болезней у вашего друга... Сильные хрипы с обеих сторон, – проговорил он, обращаясь в сторону. – Как бы не пневмония крупозная в легких. Но опять же, для подтверждения диагноза нужно делать снимок, а не на чем...

– Как не на чем? – воскликнул Зиг. – Тут же должен быть полноценный госпиталь со всем оборудованием. На тысячу служащих... Средства же выделялись.

– Как вы догадываетесь, Хердер покойный вел двойную бухгалтерию, – произнес военный врач. – Нам перепало все менее чем... Зеленка, анальгин, пенициллин, йод и пара сывороток, бинты и вата – вот и все, чем я располагаю. Лейтенанту могу выписать уколы антибиотиков, чтобы сбить жар, ну и мазать гланды йодом, как я детям всегда делал...

Райнхарду хотелось возмутиться: «Ну уж нет, такого я с собой делать не позволю!», но врач быстро сказал:

– А вы помолчите. Будем лечиться, чем есть. Тем более, организм у вашего приятеля крепкий, и с инфекциями справится. Главное – пусть полежит хотя бы неделю. А то знаю я вас, молодежь, – как только температура спадет, сразу считаете, что здоровы. Потом получаете осложнения. Вы, кадет-лейтенант, следите за своим другом получше...

Райнхард снова хотел что-то сказать, но слабость и отсутствие голоса мешали ему сделать это. Даже толком поднять веки было тяжело.

– Я принесу вам ампулы с пенициллином и расскажу, в какой последовательности делать инъекции внутримышечно», – произнес врач. – Справитесь?

На курсах первой помощи в академии их учили в том числе и этому. Поэтому Зигфрид с готовностью откликнулся на его просьбу.

– Собственно, мы уже несколько опоздали, начинать нужно было с самого первого дня, но все лучше, чем ничего, – добавил доктор. – Может статься и так, что с первого раза не подействует.

– Да хоть что-нибудь! – воскликнул Кирхайс.

– Надеюсь, Зиг не наставит мне синяков, – хотел сказать Райни и даже слабо улыбнулся, насколько было возможно в его состоянии.

– И сами не сильно усердствуете, все же болезнь у вашего друга заразная... – обратился доктор к Кирхайсу.

Райнхард снова погрузился в сон. На этот раз забытье было сладким и блаженным. Без тревожных мыслей, без черных теней, прокрадывающихся к кровати, витающих над ним, давящих на грудь и шепчущих проклятья...

Зигфрид Кирхайс взглянул на градусник – ртутный, как в далекую старину, так как электроники в медпункт тоже не попало. «Как здесь военнослужащие еще массово не умирали?» – подумал он. – «Одно везение. Условия-то экстремальные, здесь по-хорошему нужен целый батальон медиков и санитаров, да еще и со специальной подготовкой...» Ртутный столбик лишь на два деления не дотянул до отметки «40». Опять. То, что вколотый пенициллин поможет не сразу, доктор предупредил. Но Зигу все же хотелось бы чуда.

За тот десяток лет, что они друг друга знали, Райнхард так болел впервые. И в самом деле, может, все обойдется? Сказали же, что организм крепкий... Но, судя по виду Райни, болезнь явно сильнее. Не хотелось так думать, конечно, но, похоже, враги и в самом деле брали верх... Райни провел не менее часа на жестоком морозе, одетым в один мундир. Прижимался спиной к ледяной глыбе, стараясь укрыться от пуль подлеца Хердера. А если еще и совокupить все, что он пережил...

Зиг обтер пылающее лицо друга тканевой салфеткой, смоченной в ледяной воде. Райни открыл глаза, впервые за несколько часов, и его друг поразился, увидев, как их знакомая светло-серая сталь подернулась мутной пеленой.

– Друг мой... – прошептал Райни. – Нам срочно нужно ехать отсюда. Срочно. Пока мы остаемся на Капча-Ланке, Аннерозе в опасности. Я очень боюсь опоздать.

– Ты очень болен и в таком состоянии никуда не сможешь поехать, – откликнулся Зиг. – По дороге тебе сделается только хуже.

– Куда уж хуже? – покрытые коричневой коркой губы Райни сложились в подобие улыбки. – Меня тут вернее погубят... Здесь есть люди, которые хотят моей смерти.

– Но Хердер убит, равно как и Гуггенберг. Других исполнителей нет, – озабоченно произнес Зиг.

– Ты их просто не видишь... А они приходят, – голос Райни снова сорвался. – Прямо сюда приходят.

– Кроме меня и тебя никого нет, только врач был. Но если ты про него...

– Да нет же, – выдавил из себя Райнхард, тяжело закашлявшись. Зигфрид помог ему чуть подняться в постели, чтобы дышать было полегче.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил он.

– Оглянись, – прохрипел больной. – Прямо за спиной... В черном плаще такой...

– Тебе кажется, – участливо произнес Зиг. – Мы совершенно одни... Сейчас, укол подействует, тебе станет лучше, и он исчезнет.

– А потом вернется, – Райни обессилено смежил веки. – И ты не сможешь его выгнать, потому как не видишь... И тогда ты тоже увидишь не сразу.

– Кого?

– Да Хердера, – силы у фон Мюзеля были на исходе, и он бессильно, словно кукла, упал на подушки.

– Тихо, попей вот, – Зиг дал другу воды, чуть подогретой, и тот мелкими глотками выпил ее. Видно было, что боли в горле сделались чуть слабее, но не стали менее ощутимыми.

– Спасибо, – прошептал Райни и закрыл глаза.

Кирхайс так и не понял, стоит ли принять упрек друга на свой счет или же это действие его болезненного состояния и спутанного сознания. Он и так ощущал себя несколько виноватым перед ним. Хотя сделал все, что было в его силах. «Вот бы и мне разделить его боль», – подумал он. – «Хотя бы чуть-чуть. Но тогда кто за нами обоими будет ухаживать? Нет, надо держаться. Ради госпожи Аннерозе. Чтобы враги не радовались ее горю».

...А, может быть, Райни и впрямь прав? О его болезни стало известно по всей базе. Возможно, в заговор были посвящены не только полковник и майор, но и другие офицеры, чинами пониже. И они не преминули сообщить заказчикам их с Райни гибели от тяжелой болезни «этого белобрысого ублюдка»... Можно рассуждать и далее. А вдруг у доктора есть все средства лечения, а он просто скрывает их специально? Ведь к этому времени от лекарства уже должен быть хоть какой-то эффект. И вообще, даже если у доктора дела с материальным обеспечением действительно так плохи, как описывается, мог бы организовать борт для доставки больного в центральный госпиталь, где найдется и лаборатория, и рентген, и более современные антибиотики... Мазать горло йодом – надо ж такое придумать. За эти несколько часов Зигфрид не терял времени даром, а прочел в сети о болезни друга все, что можно было, и понял, что при

гнойной ангине ни в коем случае нельзя трогать воспаленные гланды, тем более, смазывать их йодом – это вызывает размножение бактерий и только усугубляет состояние. Помогает полоскание раствором соли и соды, но в высокоумных медицинских энциклопедиях не говорилось о том, как это делать больному, который не в состоянии даже попить воды без чужой помощи?

Странно. Сейчас, во время болезни, Райни очень походил на свою сестру, такой, как ее помнил Зиг. Вся та же прозрачная бледность, печально сведенные брови...

Обычно черты семейного сходства были не столь заметны. Особенно когда они все выросли, и Райнхард совсем возмужал, став на голову выше своей старшей сестры, которая раньше казалась очень взрослой...

Мысли об Аннерозе всегда воодушевляли Кирхайса. И нынче он подумал, что ей наверняка доложили о тяжелой болезни брата. Если врагам стала известна эта информация, то они не преминули рассказать ее графине фон Грюнвальд, еще и преувеличив все во сто крат... Впрочем, куда уж тут преувеличивать?

Зигфрид живо представил себе эту сцену. Аннерозе, как всегда, занимается чем-то милым и уютным – поливает цветы на клумбе, сервирует стол, выставляя блюдо со своей знаменитой выпечкой, листает журнал мод, сидя на скамье. И тут некто – наверное, какая-нибудь горничная или еще кто – сообщает: «Слыхали, ваш брат тяжело заболел на Капча-Ланке. О его состоянии сообщают самые неутешительные сведения...», и ее мир и покой рушатся в одно мгновение. Естественно, она начнет расспросы... Лицо ее, такое безмятежное, исказится гримасой тревоги.

Кирхайс очнулся от своих мыслей, как от навязчивой дремы. «Надо с госпожой Аннерозе связаться», – подумал он. – «И сказать...»

Но что сказать? Уверить, что болезнь ее брата – банальная простуда, которая скоро пройдет? Но это будет ложью. Явной ложью. Сказать все, как есть? Но чем он тогда будет отличаться от вражеского засланца? Дождаться улучшения состояния Райни? Это виделось самым разумным на сегодняшний день. Но когда оно наступит?

Чтобы отвлечься от мыслей, он прилег на соседнюю кровать и принялся проигрывать в памяти самые дорогие и нежно хранимые воспоминания о их детстве, о заботе, которую высказывала эта девушка, о том, когда он впервые понял, что любит ее...

Он никогда не ждал, что на его чувства ответят, как никогда бы не посмел убрать обязательное обращение «госпожа» перед ее титулом и сменить «Вы» на «ты», говоря с ней. Но отчего-то он подумал: ведь, если бы они оба пали «смертью храбрых» во время прошлого боя, то Аннерозе плакала бы исключительно по брату, даже забыв о его друге. А если бы на месте Райни нынче лежал бы он, то всем было бы все равно... Это и разозлило Зига. Ухаживал бы за ним Райни так заботливо – каждые три часа таблетки и уколы? Вряд ли... «Он бы первым делом организовал доставку меня в хорошую больницу, под присмотр лучших докторов», – осенило Кирхайса. – «Он бы нашел людей...»

Зиг понял – в этом и крылось их различие. Райнхард фон Мюзель решал проблемы всегда наиболее четким способом. Не мирился с обстоятельствами, а ломал их под себя. Не боялся принимать на себя ответственность... Кирхайс таким не мог стать при всем желании. А хотел ли?.. Нет. Его устраивало и то, что такой прирожденный лидер слушается его. Зависит от него каким-то образом. Особенно нынче... Ведь Зиг не обязан все это делать. Заполучить признательность и привязанность такого человека, каков был его давний друг, дорогого стоит. Равно как и иметь определенную власть над его жизнью и смертью. Да, оказывается, спасать жизнь сладостно именно из-за ощущения этой власти.

Райни выздоровеет. Потому, что он не может просто так уйти. Особенно от пустячной хворобы. И, лишь только он придет в себя, как сразу поймет, кто все эти дни не отходил от его постели. Да и сестра обо всем узнает. «Спасибо» из ее уст дороже золота... Или же она разо-

рится на более весомую благодарность. Заметит его, остановит на нем свой взгляд и забудет своего мерзкого старикашку кайзера...

При этой мысли Зиг заснул, забыв о своем обещании бдиль у постели больного друга.

Райнхард снова очнулся от забытья. Тягостная полудрема, вызванная слабостью от лихорадки, приглушала боли во всем теле. Ныне же они охватили его со всей мощью, и он невольно простонал. Неверные лучи прикроватной лампы развеивали стерильную тьму спальни. Юноша обнаружил, что его друг дремлет на соседней кровати, не раздевшись, поджав под себя длинные ноги. «Ну что ж, Зиг у нас всегда готов поспать», – Райни вспомнил, как во время последней разведывательной миссии, когда отключилась батарея питания танка, Зиг тоже задремал, как ни в чем не бывало. Такому спокойному отношению к жизни фон Мюзель, бывало, даже и завидовал. «К тому же, я знаю, что ему снится», – подумал юноша, слегка усмехнувшись. – «Не буду ему мешать».

Несмотря на тягостную слабость и остатки жара в теле, голова была на редкость ясная. Кажется, лекарство наконец-то начинает действовать, уничтожая бактерии в его крови... Только горло по-прежнему болело, в груди еще не развеялся душный холодок, колотье под ребрами стало лишь на самую каплю меньше, а из-за опухших желез было больно поворачивать шею. «Что там этот педиатр говорил про йод? Попробую-ка я сам там все себе помазать, вдруг и впрямь полегчает...», – сказал себе Райни. – «Вот еще, нечего Зигу лезть мне в рот».

Он попытался сесть в постели. Густая мокрота, наполнившая его большую грудь, стекла вниз, дышать стало несколько легче. Он откашлялся. Зиг вздохнул и только перевернулся на другой бок. «Вот так сиделка», – подумал Райни. – «Впрочем, он, верно, жутко устал... Сколько я уже болен? Сутки, двое? Нет, надо срочно выздоравливать, а ради этого я потерплю и самую тщательную обработку гланд, и уколы какие угодно – кстати, рука-то у Зига оказалась тяжелая, до сих пор побаливает то место, куда он воткнул иглу... А потом сбежать отсюда, пока *они* снова не пришли».

Райнхард и сам был рад списать появление черных теней, шепчущих ему на ухо разнообразные мерзости, на высокую температуру и расстроенное сознание. Если бы каким-то чутьем не понимал: они реальны. И ничего, что Кирхайс их не видит – тот просто *не хочет* их видеть. От этого они не становятся менее осязаемыми. А предводитель их всех – худой господин в черном плаще с костлявыми длинными пальцами, который способен оборачиваться и женщиной со злыми глазами – ничего не говорит, а только кладет свою руку на шею молодого человека, пережимая подушечками пальцев в сонную артерию, отчего сердце колотится, как бешеное, воздух кончается, и спазм сжимает гортань, и кажется, что приходит конец...

Его приходу всегда предшествовал озноб – словно кто-то проводил кубиком льда по позвоночнику. Райни не знал, как с ним бороться. Никакие удары, пинки, угрозы не отгоняли этого мрачного убийцу, обязавшегося закончить дело незадачливых наемников. Потому как он был не человек, а Райнхард с такими бороться не привык.

Райни и сейчас почувствовал, что незваный гость близко. Почти рядом. Пару часов назад, когда Кирхайс поил его, тот стоял за спиной друга, но подойти не осмелился, решив по какой-то своей прихоти оставить больного в покое. Нынче тот снова объявился рядом.

В голове у Райни всплыли латинские слова молитвы, когда-то прочитанной в одной из земных священных книг. Его влекло к этим книгам, а описываемые в них истории, верования и притчи, которые некоторые историки, особенно альянсовские, называли «сказками и мифами», казались неоспоримой истиной. Недавно в библиотеке Академии ему попалась увесистая книга в синей обложке, с серебристым тиснением. «Катехизис» – так она называлась. Автор не был указан – вместо него на обложке был изображен крест с причудливо переплетенным вензелем ИСН. Книга показалась Райнхарду исчерпывающей и точной, как служебный устав – состояла из вопросов и ответов, достаточно исчерпывающих и понятных. И в ней приводились необходимые каждому христианину молитвы. Некоторые состояли из четырех строк,

другие же были длиннее. Та, которую он собрался произносить, отложилась у него в памяти сразу, хотя и не была самой краткой.

– Pater Noster, qui es in caelis... – начал он тихонько. Фигура замерла у кровати Зига. Райни продолжал:

–...sanctificetur nomen tuum... Adveniat regnum tuum...

Убийца не приближался к Райни, но и не думал отходить от Зига. Тот, видно, тоже почувствовал что-то, потому как заметался в кровати и начал шумно вздыхать во сне. Райни увидел, что нечисть простирает свои длани и наваливается на друга со всей силой...

– Нет! – прохрипел фон Мюзель. – Уйди от него, оставь!..

Черный нечеловек оторвался от тела Зига и направился к кровати Райни. Тот чувствовал злобу, волнами исходившую от убийцы. Молиться он уже не мог, – слова скакали в голове, не составляясь в фразы.

– А все молятся, как меня видят, – сказал глухим низким голосом человек в черном плаще. – Только все, как ты, забывают, когда я приближаюсь к ним. Зачем тебе жертвовать жизнью ради друга? Если бы он очнулся от сна и почувствовал, что сейчас подохнет, то непременно бы прогнал меня к тебе, спасая свою шкуру...

– Ты... не смеешь так говорить!

– Что-то ты раскомандовался. Со мной еще никто так не разговаривал. Ну, теперь не жалуйся...

Сколько бы Райни не пытался отмахнуться от того, кто вознамерился его погубить, тот был неумолим. Теперь он не просто душил, а, казалось, вознамерился разорвать горло юноши острыми ногтями, под которыми запеклась кровь... И Райни, поняв, что сопротивляться теперь бесполезно, старался не закрывать глаза – отчего-то казалось, что, стоит ему смежить веки, как смерть придет тут же.

– За что? – только и прошептал он, когда стало совсем невозможно.

– За то, что ты не должен стать тем, кем стал бы без моего вмешательства, – проговорил убийца ровным, ничего не выражающим голосом. От него более не чувствовалось черноты – казалось, что нынче тот выполняет некую работу, нудную и изрядно ему поднадоевшую, хочет побыстрее отвязаться и уйти.

– Господи... Ты есть, я знаю, – взмолился про себя Райни, когда боль сделалась невыносимой. – Господи, помоги мне, прошу! Избавь...

В самый последний миг он почувствовал, что железные тиски на шее ослабевают, а самого его выносит куда-то наружу, там, где холод, вьюга, злые звезды светят над головой...

Райни огляделся. Он не чувствовал холода, хотя и понимал, что должен бы. Пейзаж, хоть и заснеженный, не напоминал Капча-Ланку ничем. Эта планета – ледяная пустыня, покрытая скалами. Здесь же сверху видны сосновые леса, покрытые льдом озера с изрезанными берегами. Там и сям виднелись одинокие огни жилищ, догорающих костров. Небо посветлело, звезд было не видать. Алое солнце тяжелым шаром катилось к западу. «Где я?» – спросил себя Райни, и начал стремительно и плавно снижаться. Оказавшись на земле, он почувствовал зябкую сырость. Снег колот его босые ноги, становилось холодно. Вокруг себя он видел каких-то людей – по всей видимости, военных, причем их мундиры, синие с белыми обшлагами, ничем не напоминали ни имперские, ни альянсовские... Подобие такого обмундирования Райнхард видел разве что в иллюстрированных справочниках по военной истории. Люди переговаривались на языке, совсем не понятном фон Мюзелю. Он попытался обратиться к одному из них – молодому веснушчатому парню, разводившему костер – но тот посмотрел мимо него, поморщился и отвернулся.

«Я что, умер-таки?» – нахмурился Райни. – «Но почему я чувствую все? Или почти все?»

Он повторил просьбу:

– Не могли бы вы указать, господин... лейтенант, – произнес он звание наобум. – Где я нахожусь и где бы мог найти приют? А то я болен...

Слова его вообще не возымели никакого действия.

Райни пожал плечами и пошел далее. Там увидел других людей, похожих на тех, только форма другая. Язык, на котором они переговаривались, уже был более понятен Райнхарду – какое-то подобие немецкого. Тут его, правда, заметил один пожилой мужчина в гражданской одежде и отчего-то размашисто перекрестился.

Райнхард повторил свою просьбу, на которую старик разразился длинной тирадой, из которой юноша понял только то, что его прогоняют прочь, потому как «мертвые не ходят, а ты точь-в-точь наш юнкер Лагерстрём, помяни Господи его душу...»

Молодой человек только вздохнул и отвернулся. Он побрел обратно – уж лучше те, кто его не видит, чем те, кто боятся. Сумерки сгущались, становилось совсем неудобно. Он дрожал и громко стучал зубами, молясь, чтобы по пути нашелся какой-то кров. Встречались костры, и он присаживался погреться, слушая, что говорят у костра. Его никто не замечал – и вскоре Райни начал уже находить выгоды в этом состоянии. Так ему не надо было никому отдавать отчет в том, что он делает в военном лагере – он сразу понял, что находится именно здесь. Из разговоров на отдаленно знакомом языке он понял, что здесь идет война с какими-то «русскими» (верно, с теми, кого он впервые видел), и скоро уже будет перемирие, потому как противники победили. Но воины не выказывали досады – только облегчение, что «наконец-то можно домой вернуться». «Ну и моральный дух здесь», – думал он. Согретьшись, Райни уходил дальше, думая, куда б выбраться.

На небе вскоре показались звезды и месяц, новорожденный, висевший тонким обрезком фольги в темной синеве.

Райнхард счел появление звезд хорошим знаком, нашел Полярную и пошел по ней. Оказалось, не зря – через несколько сотен метров он увидел дом, сложенный из толстых бревен. Тоже необычная постройка – Райни прежде такое видел разве что в этнографическом музее, на экспозиции об истории жизни Земли, да и на фотографиях старых земных деревень. Внутри мерцал неверный свет. Он постучался в дверь. Ответа не последовало. Сдаваться он не собирався, поэтому повторил стук. Наконец послышались тяжелые шаги, и молодой мужской голос со властными нотками спросил на чистом немецком: «Кто здесь?», а затем добавил нечто на не самом понятном языке. Райнхард ответил, представившись чин по чину, но ему не отперли. Он подошел к небольшому окошку и прислушался к разговору в помещении.

– Кто там ходит, Фрицхен? – заговорил другой молодой человек.

– Да черт его знает... Стучат и все. Показалось, верно.

Райни взглянул в окно. В полутьме, развеиваемой лишь двумя свечами, он увидел двоих высоких парней. Один был в незастегнутом длиннополом мундире, другой – в одной рубашке и темном жилете. Они походили чем-то друг на друга и оба – на него самого. Рядом, в темном углу, была расстелена постель, и на ней лежал кто-то третий, к кому и направился второй, тот, который назвался Фрицхеном.

– Жар держится... Погано все как, – произнес он, после того, как положил руку на алебастрово-белый лоб лежащего.

– И так уже пятый день, – вздохнул тот, что был в рубашке. Он выглядел крепче, старше и держался поувереннее.

Говорили они оба на немецком, но некоторые слова выговаривали по-особому, как-то неправильно.

– Лекаря звать без толку. Опять кровь пустит, а у Кристхена и так душа еле в теле держится, – продолжал он.

– Но он же... – другой брат не мог выговорить ни слова.

– Да он так или иначе помрет, что поделаешь, – выплюнул слова старший. – Мы сами виноваты, что потащили его.

– Вообще, зачем нам нужно было брать на эту войну?

– Сам напросился, как же.

– А мама не захотела его одного отпускать, вот и навязала его в няньки.

– А все потому, что ты согласился!

– Хватит уже сваливать с больной головы на здоровую! – возмутился младший. – Ладно, сиди, пойду проверю караулы.

Райнхард наблюдал за тем, как он застегнул мундир, накиннул плащ, надел треугольную шляпу, и вышел за дверь. Райни, не теряя времени, быстренько проник вовнутрь, чуть не столкнувшись с Фрицхеном. Тот даже не заметил его, только проворчал что-то про вездесущие сквозняки.

Убранство избы оказалось простым. Небеленые стены, закопченная печь, низкий потолок. Как только старший из молодых людей выпрямился во весь свой немалый рост – казалось, он мог сравняться по высоте с Зигом – Райни стал опасаться, что тот ударится головой о потолок. Фон Мюзель направился к постели, на которой, накрытый пестрым одеялом, лежал худощавый юноша, весьма хороший собой, если бы не черные тени, сгустившиеся под глазами, и посиневшая кромка чуть припухших, покрытых какими-то болячками губ. Тот дышал тяжело, с трудом, хватая воздух ртом, словно рыба, выброшенная на сушу. Тонкие черты миловидного овального лица, напоминающего лицо Фрицхена, ушедшего проверять караул, и другого – очевидно, все трое были братьями, а этот, кажется, Кристхен, так его называли, был из них самым младшим. Полуоткрытые глаза, обрамленные длинными ресницами. Взъерошенные пепельно-светлые волосы, выющиеся крупными кольцами. Длинные, загнутые вверх ресницы. Густые брови, сведенные напряженно на переносице, – видно, что юноша сосредоточил все усилия, чтобы не задохнуться. Глубокая ямка на остром подбородке, покрытым светлым пушком. Щеки покрыты неровным, пятнистым румянцем, слева сильнее, чем справа. Тонкие пальцы судорожно сжимали край одеяла. Рядом сидел еще и третий молодой человек в штатской одежде, светловолосый, и дремал, клюя носом.

«Так этот Кристхен болен примерно тем же, что и я. Врач бы сказал – пневмония. Тоже с двух сторон, причем левое легкое затронуто куда сильнее... У него очень болит спина под шестым ребром слева. И видится какой-то ужас, что его топят», – подумал Райни. – «А этот... по всей видимости, его слуга, и ведет себя точно так же, как Зиг – предается сну. Разбужу-ка я его, а то вот этот здоровяк сейчас ему как треснет по лбу за нерадивость...»

С этими словами Райни слегка ткнул в бок дремлющего слугу, отчего тот проснулся, посмотрел на больного и начал быстро расстегивать воротник рубашки, приговаривая что-то ласково на красивом и мелодичном, но совершенно не знакомом фон Мюзелю языке.

Удивительно, что Райнхард мог с легкостью угадать все чувства и мысли, бродившие в головах у каждого из присутствующих. Вот этот, старший из молодых людей (которого, как он угадал, звали Карлом) ужасно волнуется и тревожится. Поэтому злится на всех и вся. На мать, пославшую его «нянькой» для младшего брата, на Фрицхена, который потащил младшего брата в какую-то авантюру, сути которой Райни доискаться не мог, на больного, за то, что подцепил эту простуду, на слугу, за его нерасторопность... В то же время, Карл думал о средствах лечения брата, перебирал их все, гадал, где найти... Медицина, как понял Райни, здесь была совсем не развита. Доктор мог предложить только кровопускание, дабы снизить температуру. «Хорошо, хоть мне не предложили... А что, Зиг, может, и до такого додумается». Запястье больного юноши было покрыто красноватыми продольными шрамами – очевидно, такой процедуре его уже подвергали, и, как видно, безуспешно: воспаление не ушло, жар снова поднялся.

– Герр Карл, а может, барсучьим жиром его натереть? – спросил слуга по-немецки

– Ну иди, поймай барсука и вытопи из него жир, – раздраженно откликнулся старший брат больного. – Где мы достанем? Да и тут не очень поможет. Как бы он не сгорел...

– Снегом натереть?

– Чтобы он вообще умер на месте? Хватит тут глупости городить. Его надо переложить, видишь, так он задыхается?

Слуга заботливо постарался усадить больного в постели, но тот заваливался на бок, словно торс, руки и ноги его были сделаны из ваты, глухо стонал и говорил:

– Оставьте... Поедьте... нам ж приказано...

Райни стало его страшно жаль. А еще он чувствовал, что тот, будучи в полубреду, его видит и чувствует, потому как Кристхен открыл глаза, оказавшиеся темно-синего цвета, чуть темнее, чем у Зига, и заговорил: «А это кто?», глядя прямо на него.

– Тут только мы с Якобом, Фрицхен караулы проверить пошел, сейчас вернется.

– Да нет же. Тут такой... В черном мундире с серебряным шитьем, – прошептал юноша.

– Тебе кажется», – вздохнул Карл. – Сейчас жар спадет, и уйдет этот твой...

Якоб мигом перекрестился, прошептал:

– Царица Небесная, совсем плох.

– А ты не ной! Выкарабкается...

Карл наклонился к нему с кружкой воды и проговорил:

– Возьми, выпей...

Кристоф сделал глоток и шепнул непослушным голосом:

– Теплая ж.

– А холодной тебе нельзя.

– И бок очень болит, – он снова поморщился. – Я спать хочу...

– Поспи, может, лучше станет, – вздохнул старший его брат. – «Да и мне б не мешало...

Стало тихо. Райни встал у постели, и увидел, как от больного, который лег на спину и прикрыл глаза, задышав несколько ровнее, отделяется словно белое облако, которое потом обрело очертания двойника лежащего.

«Душа выходит из тела... Он умирает?» – подумал Райни, но при взгляде на тело юноши он заметил, что его грудь по-прежнему вздымается под одеялом, а лицо приобрело безмятежное выражение.

– Вы ангел? – спросил Кристхен, глядя гостю прямо в глаза. – Я уже умер?

– Нет, – Райнхард вспомнил, что в этом мире, вероятно, должны знать ангелов, святых и молитвы. Молятся они по-христиански, хоть и не на латыни, а на немецком. У всех кресты на шее. Вот и у его собеседника тоже есть – простой, без изображений Распятого, из красного золота, на цепочке из того же металла. Райни понял – пока этот крест у него на груди, тот не может просто так взять и умереть.

Он представился чин по чину.

– Я Кристоф Рейнгольд. Фон Ливен. Прапорщик Семеновского полка, – свое воинское звание он произнес с некоторым даже отвращением. – А вы, Рейнхард... Вы лейтенант прусской армии?

Пруссия... Райнхард фон Мюзель, интересовавшийся историей Земли, читал, что было такое королевство, вокруг которого образовалась Германская империя – Первый Рейх. Затем ставший Вторым... Третий же оказался катастрофой и для Германии, и для половины мира. А по образу и подобию этой Пруссии, ставшей Германией, первый из Гольденбаумов и решил создавать свою Империю. Все подданные приняли немецкие имена и фамилии, выучились языку в его самой правильной, литературной форме. Все аристократические титулы и военные звания были тоже взяты из того, земного Рейха, равно как и обычаи, манеры, вкусы.

Райнхард не стал его разуверять. Только сам спросил:

– А какой нынче год?

- Должен быть 1790-й.
- От Рождества Христова?

– Так точно, – Кристоф пристально смотрел на него, не понимая, кто именно находится перед ним. Униформа вводила его в смущение – Райнхард понимал, что она слишком современная. Вряд ли они такое носят в современной его собеседнику Пруссии. – Кажется, десятое декабря...

Фон Мюзель попытался вспомнить, что же произошло в тот год. И что же это за война такая. Спросить он не мог – слишком уж много подозрений вызвал. Но ничего толком вспомнить тоже не мог.

– Вижу, вы не отсюда, – этот фон Ливен оказался толковым парнем и не стал его смущать расспросами. – И вы мне не снитесь – я вас и наяву видел.

– Вы сильно больны... Вам могло показаться.

– Да и вы тоже... – Кристоф внимательно взгляделся в его лицо. От его взгляда разливалось тепло, становилось немного полегче, потому как Райни постепенно начал ощущать всю ту же боль, от которой скрылся. – У вас... У вас что-то в горле. Какая-то опухоль. И в груди тоже. Оно мешает... Вам плохо.

– Так и есть, – подтвердил Райнхард. – Возможно, я уже умер.

– Нет... – лицо Кристофа, красивое несколько даже по-девичьи, посерьезнело. – Вы убежали сюда... Точнее, попросили, и вас сюда перенесли.

– Откуда вы знаете? – проговорил Райни.

– А за вами все видно, – простодушно откликнулся его собеседник. – Ежели желаете, можете тоже посмотреть...

Райнхард взглянул... По-прежнему белыми облаками витали мысли людей, сны тех, кто спал.

– От кого вы убегали? – поинтересовался Кристоф совершенно светским тоном. – И почему ваш слуга спит, тогда как он должен ходить за вами?

– Какой слуга? – недоуменно спросил Райни.

– Да вот тот... Рыжий.

– Это кадет-лейтенант Зигфрид Кирхайс. Мой друг и напарник, – с гордостью проговорил Райнхард. – Он спас мне жизнь, а я некстати провел некоторое время на морозе и простыл, как видите. Да так, что меня нечем лечить.

– Но он же обязался ухаживать за вами, – произнес Кристоф. – И... вас хотели убить враги?

– И сейчас хотят. Как вы думаете, от кого я бежал?

– Это herr Todt. Я его знаю и видел несколько раз. Не дрался, слава Господу, нет, – знающим голосом произнес Кристоф. – Он ничей не враг сам по себе. Но его могут подослать...

– Вот я о том и говорю, – вздохнул Райни. – И теперь не знаю, как вернуться. Да и стоит ли?

– Да, это сложно... Но если вы здесь долго задержитесь, то...

– То я умру? О том знаю. И, право слово, смерть была бы предпочтительнее этой боли.

– Нет, вы просто зависнете без сознания, – проговорил Кристоф. – Тело не умрет, но все остальное будет... здесь. А вам здесь жить нельзя.

– Правильно. Кроме вас и еще какого-то старика меня никто не разглядел, – усмехнулся Райни. – Но все же, не могли бы вы мне рассказать, с кем вы воюете и что вообще происходит?

Кристоф, как мог, довольно сбивчиво изложил ситуацию. Он тоже из некоего «Рейха», только Russische, и этой империей тоже управляет монарх, но не Keiser, а Keiserin. Которая, равно как и Фридрих-Вильгельм, тоже «постоянно берет фаворитов». Там тоже имеется аристократия, дворянство. Нет, в самой Империи по-немецки говорят только такие, как сам юноша и его семья, которых он отнес к некоей группе под названием «Balten».

– Ну и наша *Keiserin* вообще-то сама немка, – проговорил Ливен так, словно сообщал некую крамолу. А вообще-то официальный язык русский – на нем и говорили те, кого Райни встретил впервые.

– Высокорожденные разговаривают по-французски, – сообщил фон Ливен. Он сам знает французский хорошо, а русский не очень («Могу командовать и ругаться», – добавил, немного смутившись, юноша). Пруссия – государство западнее Российской Империи, там все говорят по-немецки, «прямо как вы», и там тоже правит король по имени Фридрих-Вильгельм. Война нынче идет со Швецией – королевством к северо-западу от Российской Империи.

– Спор за границы, – сказал Кристоф о причинах войны и сообщил, что да, война идет победоносно для России.

– А я тут заболел... Скоро маршем на Фридрихсгам, меня оставят здесь, – досадовал он. – Я так и останусь каким-то *прапорщиком*, даже не офицером...

– Нет, – Райни мог прозревать его будущее и видел его повзрослевшим, в блестящем мундире, чем-то напоминающим гросс-адмиральский, с густой бахромой у плеч, подающим какие-то документы очень важным людям, непринужденно расположившимся во дворце с ошеломительным убранством – по сравнению с ним Нойе Сан-Суси казался сущим сараем. – Вы дослужитесь... дослужитесь до высших чинов. Вам будут завидовать. Восхищаться вами. И случится очень скоро.

– Вы льстите. Я не очень хороший военный, – вздохнул Кристоф. – Мои братья правы – я им только обуза.

– Если вы о старшем брате, он вас очень любит. И боится за вас, а так как страха проявить позволить себе не может, то и злится.

– Тот, кого вы зовете другом, – после паузы выговорил юноша. – Так вот, он не очень друг. Он любит вашу сестру.

– История известная, – и Райни пересказал отчего-то то, как Аннерозе стала фавориткой. Как ее продал их отец.

– Мою сестренку мать тоже хочет продать, – прошептал Кристоф весьма печально.

– Императору? То есть, простите, сыну императрицы?

– Нет, богачу какому-нибудь, – с досадой произнес юноша. – И ведь продаст, не пожалеет. У нас влияние при дворе, у него деньги. Кроме того, Катарина же очень красивая... Ее любой возьмет даже без приданого.

Райни увидел эту сестру за его спиной и почувствовал, что Кристоф ее сильно любит, куда сильнее многих. Стройная девушка со светлыми волнистыми волосами, перехваченными лазоревой лентой и вольно лежащими на ее прямых плечах, поливает цветы в роскошно обставленной гостиной. Она чем-то неуловимым походила на Аннерозе, но лицо ее было более открытым, а взгляд синих, как у ее брата, глаз – куда более теплым, душевным даже.

– Моей сестре не доложили, что я болен, – в досаде произнес он. – Так бы меня доставили в нормальный госпиталь и быстро поставили на ноги...

– Ваш друг мог бы это сделать.

– Ну, он, видно, думает, что все само рассосется, – Райни опечалился. – И я бы тоже рад надеяться на это...

– Я бы мог вам помочь, если бы вы мне встретились при других обстоятельствах... а тут сами видите, застудил бок, горячка открылась, да и коновал этот дважды кровь уже пускал, – пожаловался Кристоф. Лицо его несколько побледнело, сделалось каким-то смазанным, словно Райни смотрел на него сквозь запотевшее стекло.

– А сейчас – видите ли, – нет сил, – вздохнул он. – Я сам боюсь не вернуться... Не надо на моих братьев сваливать еще и это. Их же матушка проклянет непременно.

– Мне бы только назад попасть, – отвечал на это Райнхард. – Но как же вы хотели мне помочь?..

– Да я бы мог вас вытянуть, – проговорил Кристоф.

– Как вытянуть?

– Руками, – юноша был несколько раздражен, а голос его уже слышался откуда-то далеко, как со дна моря. – Я эдак умею... Иногда... Но не сейчас... Может быть, вы попросите там кого? Ведь если вы из будущего, то должны уже знать...

– Будущее ненамного отличается от вашего прошлого, – подумал Райни, прежде чем его собеседник исчез, а зрение застила тьма, перемежаемая яркими огнями. Ему стало внезапно тошно, как в первое время, когда они упражнялись в центрифуге на курсах предполетной подготовки. Внезапно он снова оказался в своем теле, и ощутил, что рубашка, простыня и даже одеяло напитались его потом. Над ним суетились врачи – помимо прошлого педиатра, пришло еще двое. Рядом стоял Зиг и говорил, что с ним творится. Райни слышал слова: -Кризис... Перелом... Тридцать семь и семь, пульс восемьдесят девять. Он чувствовал первозданное облегчение от того, что снова здесь. Далее он запомнил, как Зиг его переодевает в чистое, обтирает тело влажной салфеткой и повторяет:

– Как же хорошо! Как хорошо!

Когда Райни проснулся, врач стоял тут как тут, держа наготове все приспособления – стетоскоп, шпатель... Внимательнейшим образом выслушал его легкие и сердце, проговорил: -Мы сменим вам антибиотик... И очень вовремя. Нам тут как раз снабжение прислали... Но почему сейчас? Возможно, о вашей болезни кое-кто прослышал при дворе.

Зиг, присутствовавший здесь же, при этих словах встрепенулся, да и сам Райнхард только пожал плечами.

Кирхайс начал задавать вопросы:

– А что же было написано в накладной? – но доктор внимательно выслушивал сердце больного.

– Да... Типичные для ангины изменения. Вам потом нужно будет сделать ЭКГ. В легких чуть чище стало... Слева очаг еще остается, правда. Так, теперь откройте рот...

Райни понял, что дело подошло к самой неприятной процедуре, но делать нечего было. Тем более, нынче он чувствовал, что опухоль под челюстью несколько спала, ему стало свободнее двигать шеей, да и проглотить собственную слюну или глоток воды уже не доставляло больших мучений.

– Так... Горло еще красное, миндалины рыхлые и отечные, но налеты отходят постепенно, особенно справа, – продолжал говорить доктор. – Все же это у вас не дифтерия, как я боялся. Но это не значит, что вам надо пустить все на самотек...

Он перечислил внушительное количество процедур, которые больному предстояло выполнять самостоятельно, и наказал лежать в постели еще неделю до нормализации температуры.

– Уколы ставьте трижды в день, тоже внутримышечно, – сообщил он. – Нельзя позволять температуре еще расти... Кстати, курс десять дней, иначе никакого эффекта не последует.

... -Это очень скучно, – пожаловался Райнхард через час. Он чувствовал себя почти здоровым, если бы не странная сквозящая слабость во всем теле. Даже аппетит проснулся, но с больным горлом он мог есть только творог и молочное, и то, глотать было больно.

– Не капризничай, – назидательно произнес Зиг. – Лучше давай, ложись на живот. Укол последний тебе утром ставил...

– У тебя, наверное, не был сдан зачет по инъекциям на курсе первой помощи, – проворчал Райни. – Вся задница в синяках, извини уж.

– А что ты хотел? – грубовато проговорил Зиг. Ему было невдомек, почему только недавно стоявший на грани жизни и смерти друг внезапно очнулся в дурном настроении, а не испытывает радостную благодарность от того, что выжил.

Он скovyрнул стекло капсулы, набрал в одноразовый шприц жидкости, встряхнул его и ввел лекарство под кожу друга, который только поморщился.

– Если это препарат последнего поколения, то почему он не выпускается в форме таблеток? – проговорил Райни.

– Тебе вообще хотели делать капельницу, – мрачно произнес Зиг. – Теперь надо пойти прополоскать горло...

– Я знаю, – Райни взял стакан с жидкостью для полоскания, понюхал едкий запах раствора соли с йодом и обреченно вздохнул. – Кажется, я понял. Теперь меня пытаются извести скукой... И этими жуткими уколами.

Кирхайс только плечами пожал.

– Ты-то сам не заразился? – спросил Райни.

Зиг отрицательно покачал головой.

– Мне выдали аскорбиновую кислоту, – добавил он. – И я уже этим болел... В шесть лет, кажется.

– Ну все, по медицинской подготовке у тебя точно было два балла, – рассмеялся Райни. – Ангиной не болеют один раз в жизни... Кстати, а что у тебя было по истории?

– Пять, кажется, – сказал Зиг.

– Отлично... Что случилось в 1790 году? В декабре?

– Это экзамен, Райни? – усмехнулся Кирхайс.

– Нет, это вопрос... – и Райнхард рассказал о своем видении.

Зигфрид открыл крышку ноутбука, вышел в сеть и показал:

– Вот... русско-шведская война 1789—1791 года. А как, ты говоришь, звали твоего собеседника?

Отчего-то Райнхард не захотел сообщать его имени.

– Дай-ка сюда, сам поищу...

Зигфрид с удивлением протянул другу компьютер, и Райнхард ввел в поисковой программе имя, услышанное им накануне. Ему хотелось знать – выжил ли этот Кристоф-Рейнгольд? Ведь тогда вообще никаких антибиотиков не было, и юноша мог умереть на другой день, задохнувшись в жару... А был ли он на самом деле, или это все же выдумка?

С портрета, который сопровождал не самую обширную статью о «российском государственном и военном деятеле, дипломате, кавалере одиннадцати орденов», смотрели прежние глаза. Такие же синие и ясные. Лицо, конечно, выглядело гораздо старше. На левой щеке был виден длинный продольный шрам от удара холодным оружием, которого Райнхард прежде не заметил. Его знакомец прожил шестьдесят четыре года. Знал царей и королей. Воевал, представлял свою страну за границей, подписывал мирные договоры и создавал страны... «Скончался неожиданно в Риме, сопровождая цесаревича Александра Николаевича в зарубежной поездке...», – прочел Райнхард, и затем отключился от сети.

– И что же ты нашел? Что-то тебя шокирующее? – спросил Зиг участливо, увидев, что лицо друга несколько побледнело.

– Он жил на самом деле... И я был в прошлом Земли, – прошептал его друг. – И видел реальных людей...

Зигфрид положил руку ему на лоб.

– Кажется, у тебя снова растет температура... Давай ее смерим?

– Хватит! – прорычал Райни. – Все со мной нормально, это не бред! Лучше скажи: можно ли без антибиотиков вылечиться от пневмонии?

– Но нельзя прерывать курса, доктор же сказал... – пролепетал Зиг.

– Я не про то совсем, – фон Мюзель понял, что поделиться опытом он ни с кем не сможет. Особенно с близким другом... Что тогда сказал этот Кристоф, имея в виду Зигфрида: «Он не очень друг»? Нет, он просто плохо себя чувствует, больно сидеть в постели от уколов,

сделанных Кирхайсом, оттого и злится... Надо взять себя в руки. И он отвернулся, смежив веки и надеясь, что снова повстречает знакомого, который и расскажет более подробно о себе и своей участи, о том, как справился с болезнью, раскрасит сухие строки энциклопедии ценными подробностями...

...Через шесть дней, когда доктор признал, что горло наконец-то очистилось, а температура не поднималась выше 37,5 даже в вечерние часы, Райнхард решил покинуть Капча-Ланку. -Курс лечения я продолжу дома, – уверил он доктора, которому не нравились остаточные хрипы в легких и кардиограмма, которую все же сняли на специально привезенном с «материка» приборе. Как потом сказал сам доктор, все снабжение поступило не потому, что о них подумали во дворце. А потому что новый начальник базы приказал разобрать трофеи, захваченные у мятежников, и нашел среди них немало медицинского оборудования и медикаментов. При этих словах Райнхард почувствовал некое разочарование: он-то был уверен, что постарался друг, сообщив о его состоянии сестре и сказав, что именно нужно для лечения и обследования. Зигфрид его и не разуверял, но в решении сбежать из этой ледяной пустыни поддержал. Про уколы молодые люди довольно быстро забыли, а некую слабость, которая длилась потом почти месяц, Райнхард списал на естественный процесс выздоровления. Стыдно было обращаться к врачу Рейхсфлота с такой мелочью, тем более, его ждали другие, более масштабные дела...

После бала

Дым постепенно развеивался, и окружающее пространство приобретало прежние краски. Все, казалось, происходило во сне, тягостном и длинном, из которого так и не получалось проснуться, сколько не пытайся. Чувства, на несколько мгновений застывшие, вновь возвращались к нему со всей четкостью.

...А что это именно случилось, Райнхард поначалу и не понял, но нынче пытался восстановить весь ход событий за несколько мгновений.

Все было поначалу хорошо, в том смысле, что шло так, как и должно – обычный прием, светская болтовня, та нудная скука, которая бывает на подобных мероприятиях. К ним он еще не привык и не знал, а стоит ли вообще привыкать? Втайне он завидовал Зигу, оставшемуся за дверями – строгий протокол никак не предполагал присутствия офицера «из простых» на приеме, куда ожидали самого кайзера. Все шло чинно и мирно – он поговорил с очаровательной баронессой Магдаленой фон Вестфален, ответил на приветствия, словно читая в глазах присутствующих важных аристократов: «И здесь этот белобрысый сопляк!», «Кого только не пускают...», разглядев жемчужины живописной коллекции, собранной герцогом Брауншвейгом собственноручно. Тот предпочитал земную живопись в стиле «романтизм», и ориентировался именно на эти шедевры. Поговаривали, что оригиналы из того, небывалого 19 века, купленные за баснословные деньги, висели у герцога в гостиной. Грубым диссонансом среди мирных морских пейзажей, идиллических лесов и видов на прекрасные руины смотрелся огромный, в полный рост, портрет кайзера Рудольфа фон Гольденбаума. Несмотря на общий парадный тон, смотрелся основатель Империи весьма грозно и при этом неприглядно. Его потомок, вовсе не такой внушительный, запаздывал надолго, а вскоре из дворца Нойе Сан-Суси пришла новость: Фридрих-Вильгельм нездоров, поэтому решил отменить визит к герцогу Брауншвейгу. Гул разочарования последовал за этим известием, сменившись вздохами притворного сочувствия захворавшему монарху и перешептываниями, немалая доля которых сопровождалась мимолетными взорами в сторону Райнхарда. Ему самому не надо было при-

слушиваться, чтобы догадаться, о чем они говорят. Небось, утверждают, что кайзер предпочел утехы со своей фавориткой утомительным светским обязанностям... Разговоры эти уже не вызывали в молодом офицере гнева, как прежде, – только скуку.

Прием состоялся – и отменять его не стоило. Оставалось лишь скучать, и Райнхард продолжил бродить по комнатам, обмениваясь светской болтовней с гостями. Пару раз он снова встречался с баронессой фон Вестфален. С ней, как ни странно, даже пустые разговоры нынче казались исполненными смысла и значения.

– Раз кайзер не приехал, то думаю, что мой друг может сюда войти, – легкомысленно проговорил он. – Тем более, у него припрятана бутылка настоящего шампанского... Куда лучше того пойла, которым угощает нас от щедрот своих герцог.

– Вы чрезвычайно жестоки к нему. Но что есть-то есть, наш хозяин малость скуповат, – мило улыбнулась Магдалена. Каждый раз, когда она улыбалась, ее лицо словно освещалось изнутри каким-то неведомым, нежным светом, делая ее и без того правильные, строгие черты ясными, определенными, словно нарисованными изысканным живописцем.

– А я хотела бы попробовать ваше прославленное шампанское, о котором вы так нынче жалеете, – добавила она, чуть понизив голос, словно речь шла о какой-то тайной забаве.

– За этим дело не станет, дождитесь только конца приема, – произнес в тон ей Райнхард. – Уверяю, вам понравится.

– Надеюсь, ждать придется недолго, – и тут девушка, ответив на приветствия каких-то знакомых и извинившись перед своим собеседником, отошла от него.

– Я тоже на это надеюсь... – мысленно ответил ей Райнхард. Ему и впрямь отчего-то хотелось покинуть прием, уйти по-английски, как говорится. Но нельзя. Надо было оказать дань уважения своему покровителю. Соблюсти одну из бесконечных светских формальностей, ну а дальше вознаградить себя за терпение.

Помимо скуки, молодой офицер ощущал некое смутное беспокойство и тревогу, странные в подобной обстановке. Ничего необычного не происходило, вроде бы как. Даже перед боем или учением он ощущал себя спокойнее и собраннее, а нынче прямо хотелось взять и выйти вон, причем побыстрее. Эх, был бы здесь Зиг, можно было бы откровенно с ним поделиться... Но тот остался за воротами ждать его. Что ж, похоже, ждать придется недолго, ибо Райнхард был готов улизнуть с приема при любом удобном случае. И, желательно, подговорить на побег Магдалену...

Все случилось быстро. Слишком быстро, чтобы Райнхард фон Мюзель успел что-то понять. Сначала – страшный грохот, сменившийся звенящей тишиной, и почти одновременно – толчок, отбросивший его в сторону, за колонну. Этому толчку он сопротивлялся, как только мог, и кинулся вперед, впрочем, вскоре отпрянув невольно от стены огня. Суета и крики людей слышались как будто в отдалении, но все заглушало огромное, невыносимое гудение. «Это взрыв», – сказал он сам себе. – «Теракт скорее... Бежать надо!» Язычки пламени, игравшие на мебели, обоях, люстрах, рамах картин, быстро сливались в яростный огненный вал. Он кинулся вперед, не чувствуя страха, только осознавая, что произошла большая беда, но ноги не держали молодого офицера, и он уселся на пол, борясь с диким сердцебиением. Глаза застил едкий дым. В горле пересохло так, что невозможно было кричать – а он очень хотел и даже пытался позвать Зига, кого-нибудь... Гул голосов, стоны раненных, взволнованные возгласы гостей доносились до него как через толщу воды. Все заглушали яростный звон в ушах и дикая давящая боль в голове. Он оглянулся, увидев разломанную мебель, окровавленные тела людей – то ли гостей, то ли слуг, думал было поползти к выходу, но контузия миглом парализовала волю... Райнхард продолжал звать друга, безнадежно, понимая, что его никто не услышит...

– Воды, принеси воды, – прибавлял он к зову, надеясь, что Кирхайс принесет попить хоть чего-то. Бутылка шампанского представлялась ему настоящим спасением. Глоток вина утолит дикую жажду и заглушит эту нестерпимую боль, сдернет пелену с глаз.

– Райнхард! – услышал он голос Зига издали, словно в отдалении. – Райни, откликнись, ты где? – этот голос выражал крайнюю степень беспокойства.

– Я здесь, здесь... – хотелось откликнуться ему, но язык уже не ворочался в пересохшем рту. Слабость одолевала его вконец, и, когда он увидел рядом с собой друга, встретился с ним глазами, то смог только сказать: «Я плохо слышу...», с трудом привстать и упасть ему на грудь.

Забвенье длилось одно мгновение. Постепенно слух начал восстанавливаться, а вместе с ним – и воля.

– Как все это случилось? – спросил Райнхард у друга.

– Я знаю, кто это сделал, – уверенно произнес Кирхайс. – Тот старик, с шапкой на палке... Там и была бомба.

– Почему же ты его не остановил? – спросил Райнхард. – Почему его никто не остановил? Зигфрид промолчал.

– А у тебя сканер с собой? Нужно посмотреть – может, еще взрыв будет.

– Да не взял я его. На бал же шли, – отговорился его приятель. Этот недоуменно-равнодушный тон голоса поверг Райнхарда в бешенство, усугубляемое нудной, непреходящей болью в висках.

– Ты знал, что здесь будет кайзер? Знал. Покушение же на него готовилось. В последний момент все отменилось.

– Ну и как, по-твоему, я бы воспользовался сканером? – обозленно переспросил его Кирхайс. – Меня же не пустили.

– Ладно, проехали, – менее всего Райнхард хотел нынче спорить с другом. – Принеси мне попить чего... Фляжка с собой?

Кирхайс растерялся, пряча глаза и покачал головой.

– Что, и попить нечего? Какого черта ты с пустыми руками! – гневно воскликнул молодой офицер.

– Так какая фляжка?, – невозмутимо переспросил Кирхайс. Эта невозмутимость сильно разъярила Райнхарда.

– Ладно, а нынче чего не подумал? Ты для чего из салона вылез – по развалинам, что ли бегать? И без ствола еще... А если вломится кто сейчас? – набросился он на Кирхайса. Его лицо приятеля покраснело и приняло какое-то новое, отчужденно-жестокое выражение, которое Райнхард фон Мюзель за все годы дружбы с Зигфридом видел лишь пару раз.»

– А ты чего мне дерзишь? – тихо, но с отчетливо жесткой интонацией проговорил Зиг, глядя своему другу прямо в глаза. – Тебе что, мало досталось? Еще добавить?

– Ты... чего? – прошептал Райни, невольно отшатываясь от друга. Слова, хлесткие, как удар хлыста, заставили его побледнеть. Слезы невольно подступили к глазам.»

– Прости, – тут же сказал Зигфрид, без слов поняв состояние друга.

К счастью, искомая бутылка оказалась недалеко и даже не разбилась. Сковырнув пробку, Райнхард быстрыми глотками ополовинил ее, протянул оставшееся Зигу и встал на ноги, пошатываясь и оценивая происходящее. Вино придало ему сил и прояснило мысли, хотя боль в голове никуда не ушла.

Повсюду царил суетливо-печальная атмосфера. Слуги, из тех, кто был не ранен или находился далеко от эпицентра взрыва, помогали раненым и пострадавшим. Медики, очевидно, еще не приехали – или их даже не вызывали. Говорили о двоих убитых и нескольких раненных различной степени тяжести. Немало было и тех, кто, так же, как Райни, оказался

оглушен взрывом или контужен. Они подбежали к пожилой даме, облокотившейся о стену и медленно съезжавшей вниз, подхватили ее под руки и усадили на диван. Та, испуганная, плохо ориентирующаяся в пространстве, подчинялась им покорно. Зиг окрикнул какого-то слугу, поспешившего на помощь старушке.

В какой-то момент времени в зал начали возвращаться люди, во время взрыва находившиеся в столовой или библиотеке. Сам герцог был чуть бледен, но держался с примерным хладнокровием, завидным в таких обстоятельствах.

«А что, если взрыв был выгоден ему самому?» – подумал Райнхард, но озвучивать свои догадки не стал. – «Или все это была инсценировка, рассчитанная на внимание кайзера, а тот взял – и не приехал».

Словно вторя его мыслям, Зиг произнес:

– Скорее всего, Его Величество кто-то предупредил.

– Кто бы это мог быть? – голос Райни сделался испытующим, словно он, как преподаватель на экзамене, загодя знал правильный ответ, но ожидал его услышать из уст собеседника.

– Да кто угодно... Я бы допросил слуг. Они же пропустили этого старика. Я видел.

– Что ты еще видел? – внимательно посмотрел на друга Райнхард. Дурнота постепенно одолевала его, и он чувствовал, что не успеет узнать все возможное о происшествии.

– Так старик обратно без трости вышел! – выпалил Зиг, как всегда, в минуты негодования.

Их беседу прервал голос молодой женщины. Перед ними оказалась Магдалена фон Вестфален:

– Слава Богу, вы оба живы!

Райни резко повернулся, глядя в темно-синие, взволнованные глаза девушки. За все время, прошедшее после взрыва, он даже о ней и не вспомнил, оказывается... Осознание этого факта заставило его устыдиться, тем более, ее побледневшее лицо было покрыто сажей, тушь размазана под глазами, оборки на платье местами порвались.

– Вы-то сами в порядке, баронесса? – спросил он, красноречиво оглядывая ее.

Что-то в ее лице изменилось при его виде, глаза наполнились еще большей тревогой и беспокойством. Казалось, подруга его сестры считывает его состояние, и боль, все еще отказывающаяся покидать его голову, передается и ей.

– Мне, как и многим другим, которые ушли на верхнюю галерею, повезло, – сбивчиво объяснила она.

– Но вы выглядите так, словно оказались в эпицентре взрыва, – выпалил Зиг и сам покраснел от сказанного. Райнхард с иронией посмотрел на него – чтобы Кирхайс, несмотря на свою тесную дружбу с ним и близость к его семье, до сих пор осознающий себя сыном садовника и обращающийся к Аннерозе не иначе как «госпожа», вдруг произнес такую дерзость в адрес аристократки крови, должно произойти нечто необычайное. Но, с другой стороны, кто сказал, что оно не произошло?

Магдалена притворилась, будто эти слова смутили ее.

– Радуйтесь, Кирхайс, что я вообще не голая, – усмехнулась она. – Найти вас обоих среди этого бедлама было не проще, чем Вам разыскать командира со сканером.

– Кстати, не хотите ли отведать вина, госпожа баронесса? – проговорил Кирхайс, словно смущаясь от этих слов.

– Как, ты еще не прикончил всю бутылку? – притворно изумляясь, взглянул на него Райни.

– Как же не хочу? Конечно, хочу, – девушка позволила себе слегка улыбнуться. Райнхард смог разглядеть то, что она боится, причем сильно. – Тем более, я же отлично помню, как вы его нахваливали.

Райнхард, оглянувшись на Зига, решительным жестом отобрал бутылку из его рук и предложил ее даме.

– Жаль вот только, бокалов нет, – добавил он.

– Ничего, нынче выбирать не приходится. Чудо только, что бутылка цела...

Она сделала большой глоток прямо из горлышка

– Нам надо выбраться отсюда, – голос баронессы фон Вестфален сделался деловым и неумолимым. – Поехали ко мне.

«Вот как, значит», – подумал Райнхард, выходя вслед за ней на воздух. Первая его мысль была допросить охрану, оцепившую здание, и отдать распоряжения по поводу поимки преступника, но выйдя на свежий воздух, он отказался от этой идеи. Голова закружилась еще сильнее, и он пошатывался, словно пьяный. «Да, не надо было пить шампанское, но раз ничего легче нет, и так сойдет», – подумал он. – «Ничего, через полчаса оно выветрится...»

Магдалена уселась за руль своего знаменитого кабриолета спортивной модели, с откидной крышей, предмета зависти всех молодых людей столицы.

– Вы, лейтенант, садитесь сзади, а вы, – обратилась она к Кирхайсу, не глядя на него. – Рядом со мной.

Они подчинились ей, и девушка резко тронулась с места, оставляя за собой особняк Брауншвейга.

Как только они выбрались на трассу, и Магдалена прибавила скорости, его начало мутить. Сдерживаться получалось плохо, и он чувствовал – еще немного, и его вывернет наизнанку, прямо на бежевые кожаные сидения... Но можно отклониться в сторону, придерживаясь рукой, и тогда этого можно избежать.

– Остановитесь-ка, – попросил он.

Баронесса, наблюдавшая за ним в зеркале уже давно, быстро послушалась его и съехала на обочину.

– Я должна была сразу это сделать, – проговорила она. – Зигфрид, возьмите аптечку... Должна лежать в бардачке.

Тот вновь подчинился командному голосу девушки и передал ей небольшую кожаную сумку, помеченную лаконичным крестом. Райнхард сквозь не отступавшую дурноту подумал, что из нее вышел бы неплохой командир флота. Или же начальник охраны, вместо тех олухов, пропустивших террориста...

Магдалена расстегнула «молнию» и принялась рыться во внутренностях аптечки, приговаривая:

– Если только я не забыла... Нет, здесь, ну отлично!

– Что это? – спросил Кирхайс.

Упаковки казались ему знакомыми, но не мог припомнить названия лекарства.

– Ноотропы широкого спектра действия... Самое то в таком состоянии, как у вашего друга.

Она пересела на заднее сидение, рядом с Райнхардом. Кирхайс последовал ее примеру и уселся там же с другой стороны, поддерживая друга, которому явно было тяжело стоять.

– Осторожнее, Зиг, меня сейчас вырвет, – прошептал молодой человек, надеясь, что Магдалена его не услышит. Слюна с противным прогорклым вкусом наполняла рот, и Кирхайс невольно отодвинулся, поддерживая его.

Рвота облегчение не принесла, и это Райнхарда даже чуть испугало.

– Помогите мне! Снимите с него китель, ему дышать тяжело, – распорядилась Магдалена, которая, деликатно не обратив внимания на приступ тошноты своего знакомого, успела вскрыть упаковку с лекарственными ампулами, физраствором и одноразовыми шприцами и приготовить укол.

– Я сам, – проговорил смертельно бледный Райни, непослушными пальцами пытавшись расстегнуть крючки своего кителя. Зигу все же пришлось прийти ему на помощь.

Магдалена помогла расстегнуть пуговицы рубашки, точным движением задрала рукав, нашла место на плече и быстро вколола лекарство в руку молодого офицера.

– Потерпите, Райнхард, будет довольно больно. Церебролизин такой, – проговорила она, протыкая кожу иглой. – Но ваша голова нужна целой.

И впрямь, боль от укола поначалу была настолько ощутимой, что Райни невольно вскрикнул.

– А если еще вколоть витамин В? – он вспомнил про ноотропы. – Думаю, тут мне понадобится.

– Ну, ежели вы так желаете, можно... Впрочем, не можно, а нужно, – произнесла девушка, доставая вторую упаковку с ампулами и еще один одноразовый шприц.

Кирхайс смущенно наблюдал за ее действиями и попробовал было спросить:

– А это точно необходимо?

– Еще как, – убедил его приятель.

– Спирта нет, весь выпили, – попробовала она пошутить, прикладывая ватку к небольшой ранке от второго укола.

– Как это нет? – Райни вынул бутылку и отхлебнул ее, утоляя жажду. Магдалена усмехнулась и села за руль.

– А теперь поехали, до дома только десять минут езды, – распорядилась она, трогаясь с места.

Укол и спиртное развеяли дурноту, заменив ее сонливостью, и Райнхард не заметил, как они доехали до особняка фон Вестфаленов.

...Солнечные лучи, просвечивающие сквозь легкие кружевные занавески, пробудили его, заставив разомкнуть веки. Он даже не сразу понял, где и как оказался. Явно не у себя дома... Даже пахло здесь иначе – лавандой и розой, ароматами девичьей спальни. Да и кровать была непривычно широкой. На нем была свежая, незнакомая рубашка, размером поболее той, которую он носил. Постельное белье, шелковистое и гладкое, благоухающее цветущим садом, приятно ласкало его кожу, охлаждая его от жара.

Медленно в памяти начали всплывать события дня минувшего, во всей их трагичной сумбурности.

– Кто же это сделал? – не вслух сказал Райнхард. – Да, мы знаем, кто внес бомбу. Но кому же это было выгодно? И почему же сам кайзер не приехал? Его наверняка предупредили, это ясно, но кто это мог быть? Если это провокация со стороны хозяина дома...

– Это была моя первая версия, но я ее отмела, – раздался мелодичный девичий голос. Оказывается, он настолько забылся, что говорил вслух? Как некстати... Райнхард покраснел, глядя на Магдалену. Та выглядела потрясающе, под стать сдержанному, но элегантному убранству ее спальни – синий пеньюар, отгороженный белыми кружевами и завязанный на тонкой талии, не скрывал легкой ночной сорочки на бретелях с глубоким вырезом. Волосы ее, темно-каштановые и очень густые, были распущены и перекинута через плечо, а глаза, синие и лучистые, смотрели на него необычайно внимательно, но без вчерашней озабоченности.

– Вижу, вы поправляетесь, – произнесла баронесса. Она подошла поближе, и Райнхард понял, как же ему страстно хочется запустить в эту гриву пальцы, откинуть ее голову и вцепиться поцелуем в эту белую шею... Взгляд его, видно, затуманился, что не укрылось от молодой аристократки. Она медленно улыбнулась и уселась на край постели.

– Простите, если помешал... Но меня реально заботят поиски виновника, – проговорил он тихо, пытаясь взять себя в руки и отогнать морок внезапного желания, охватившего

его от близости к баронессе. Голова прояснилась, но тело, насколько Райнхард чувствовал, не вполне слушалось повелений разума, продолжая диктовать свои желания.

– Ансбах уже этим занялся. Несколько человек арестовано по подозрению в покушении, – нарочито безразличным тоном произнесла Магдалена, обернувшись к нему и продолжая его разглядывать. Легким движением руки девушка поправила своему гостю волосы, упавшие ему на глаза.

– А как же старик? – выпалил Райнхард, снова откидывая от себя морок. Голова кружилась, но это ощущение было, скорее, из разряда приятных.

– Какой старик?

– Который принес бомбу в шляпе... Его пустили слуги. Их хоть допрашивают?

– Надо полагать, – лениво проговорила Магдалена, потягиваясь, как кошка, отчего просторные рукава ее пеньюара откинулись назад, обнажая чуть покрытые первым весенним загаром ключицы и плавные плечи. – Но, кто бы не был террорист, он вряд ли выжил.

– Так они еще и смертника использовали... – подумал Райни вслух. – Думаю, за ними стоит целая организация.

– Полно вам... Оставьте рассуждения тем, кто им занимается сейчас, – проговорила, чуть улыбаясь, Магдалена. – Вы еще слабы... Всего в десяти метрах от взрыва находились. Колонна вас спасла... Как вы себя чувствуете, кстати? Вижу, что неплохо.

– Вы правы, – Райни чувствовал, что волна желания уже накрывает его с головой, и как-то забывалось о расследовании и о всем другом. Он даже не спросил, где Зиг, и почему-то ему было неинтересно знать. Может быть, спит в соседней комнате, может быть, уехал к себе, – неважно... Остальной мир пусть пока катится ко всем чертям. Возвращаться в этот мир не хотелось – ведь от ее тела исходил столь одуряющий запах.

Магдалена, поняв его чувства, прилегла с ним рядом, и волосы, пышные и густые, чуть ли не накрыли его с головой. Он вздохнул и потянул к ней руки, прошептав:

– Знаете, на том приеме царила такая скука... И я мечтал побыстрее с него уехать... Желательно, с вами.

– Надо же, как наши желания совпали, – Магдалена повернулась к нему, прижавшись к его груди и медленно, словно невзначай, расстегивая пуговицы на его рубашке. – И как славно, что нынче они воплотились в полной мере.

Он не дал ей договорить, впившись в ее полуоткрытые губы поцелуем. Руки девушки, мягкие и сильные, скользили по его груди и спине, чуть царапая ее удлинненными ноготками, отчего Райни чувствовал, будто сейчас не вытерпит и взорвется от этой страсти, наполнившей его тело сладкой, божественной тяжестью. Он пытался сбросить с нее этот халат, впиться губами и зубами в ее тело, столь чудесное и ароматное, но Магда не давала ему это сделать, взяв инициативу в свои руки. Когда он попытался повалить ее на спину, та строго сжала его запястья, произнеся:

– Нет, ты слишком слаб пока, голова еще закружится...

Осталось только подчиниться ее воле, и Райнхард об этом не пожалел. Вдоволь наигравшись с ее телом, попробовав ее кожу на вкус, покрыв поцелуями ее шею и округлую, упругую грудь, он наконец-то почувствовал себя внутри ее горячего лона, и полностью соединился с ритмом ее дыхания и движений, придя к блаженству почти одновременно с ней, обессилено упавшей на его разгоряченную грудь.

– Спасибо, – выдохнул он, поддаваясь последним содроганиям плоти и постепенно возвращаясь в реальность.

– Никогда не говори дамам «спасибо» после секса, – прошептала она, слезая с него.

– Почему же?

– Самый легкий способ почувствовать себя шлюхой, – Магда улеглась рядом, прижавшись к нему.

– Прости тогда...

– На первый раз прощаю, – притворно строго произнесла баронесса, устраиваясь поудобнее в его объятьях, которые они не размыкали еще долго – покуда им не захотелось повторить прежнее безумие.

Позже, лежа, словно в оцепенении, слушая ее слова, но не вслушиваясь в них, Райнхард подумал, что до этого, оказывается, и не знал, что это значит – быть близким с женщиной по-настоящему. Особенно с той женщиной, которая явно тебя любит. А ведь, в сущности, именно любовь она к нему и испытывала. Вспоминались ее встревоженные глаза, ее деловитые и толковые действия в машине, когда его тошнило... Никто доселе так с ним не поступал... А тем временем, Магдалена повторяла:

– Ты слишком жесток сам с собой... Тела своего не чувствуешь.

Она поглаживала его по плечам, шее, но в этих поглаживаниях не было прежней сладострастности. Так делала бы заботливая сиделка с раненым. Он чувствовал возбуждение, но оно было лишь слабым эхом недавних ощущений.

– Отлежаться надо дня три, не меньше, – продолжала она, запуская унизанные тонкими серебряными кольцами пальцы в его золотистые, вьющиеся крупными кольцами волосы.

– Я согласен, если ты со мной тоже будешь лежать... Вот эдак, как сейчас, – произнес он, прикрывая глаза, чуть не мурлыча от ее ласки.

– Все время – не гарантирую, но постараюсь приходить как можно чаще, – прошептала она. – А ты и впрямь жесток к себе...

– С чего ты взяла?

– Ангину ты так и не вылечил толком, – продолжала она, проводя пальцами по его шее. – Понимаю, болезнь ерундовая, но последствия серьезные... Да и ревматизм тоже остался с тобой. Не выносишь плохой погоды...

– Кто ее выносит? – пробовал отшутиться Райни.

– Но тебе приходится хуже других. И простывать, к тому же, ни в коем случае нельзя, равно как и допускать лихорадки... Этот твой друг даже о таком не знает.

Райнхард нахмурился. Он не любил, когда ему припоминали различные слабости и болезни. Словно это окунало его в детство, полное болезней, больниц, докторов, скуки и одиночества, охватывающих во время выздоровления.

– У тебя еще есть медицинское образование?

– Нет, но в этом деле я разбираюсь гораздо лучше Зига...

– Да, он вроде бы не прогуливал курсы медицинской подготовки, но ничего из них не вынес, – припомнил Райнхард и тут же почувствовал себя предателем.

Воспоминание о друге, об упреке в его глазах, о брошенной им давеча угрозе, заставившей его чуть ли не разрыдаться, омрачило его, словно ушатом холодной воды облили. Отчего-то встречаться сейчас с Зигфридом и даже спрашивать у Магдалены о нем очень не хотелось.

– Такое бывает, – отшутилась она.

Райнхард отчего-то все-таки рассказал ей про события на Капче-Ланге. Про свою болезнь, выпустив уж очень красочные описания. Магдалена слушала его внимательно, не размыкая своих объятий. Когда рассказ был завершен, она медленно лежала недвижимая, приговаривая: «Как же тебе досталось-то, солнце мое...», а потом замолчала надолго. Райнхарду даже показалось, будто любовница заснула, но она после длительной паузы произнесла:

– А тебе не кажется, что нынче хотели избавиться от тебя?

Райнхард рассмеялся:

– Ну, с равным успехом хотели избавиться от кого угодно. Тем более, ждали же кайзера, а он почувствовал нездоровье...

– И при этом твоего приятеля оставили за воротами, сославшись на строгий протокол, – продолжала тем же тоном Магдалена. – В любых других обстоятельствах его бы пропустили...

– Но только не в присутствии кайзера.
– А подумай, почему его не пропустили, когда стало известно, что кайзер не приедет?
– Надо полагать, он не настаивал.
– Странно, глядя на твоего друга, и не подумаешь, будто он такой робкий, – с усмешкой произнесла Магдалена. – И вообще, интересно, что он всегда опаздывает – пусть на мгновение, но опаздывает и часто ошибается...

Слова должны были вызвать в Райни негодование, но он отчего-то понимал, что Магда права. Кирхайс был всегда готов помочь, но помощь запаздывала. Тогда как она, слабая, казалось бы, женщина, не имеющая специальной подготовки, за несколько часов успела то, на что Кирхайс раскачивался очень долго.

...Три дня прошли, как сон. Очень приятный сон. За это время Райнхард, в разговорах с Магдаленой и объявившимся вечером первого дня Кирхайсом, смог сформулировать теорию: взрыв был подготовлен не маньяком-одиночкой, как гласила официальная версия, а целой террористической группой, направленной на свержение монархии. Возможна еще серия таких же происшествий с покушением на высокопоставленных особ Рейха. Между тем, Ансбах отменил соображения молодых офицеров с негодованием. «Лейтенант, расследование закрыто. Виновный найден». Виновником оказался слуга, открывший ворота старику, принесшему бомбу. Старика бы тоже не взяли, если бы не показания Кирхайса, подтвержденные свидетелями, наблюдавшими за входом снаружи.

Напрасно Райнхард старался доказать, что слуга совершенно случаен в этой схеме.

– Вот как, вы защищаете людей, не выполняющих свою работу? – с усмешкой произнес следователь и перевел взгляд на Кирхайса со значением. – Впрочем, как вижу, вы одержимы ложными представлениями о справедливости.

– Да вы сами не лучше, герр Ансбах! – со злобой в голосе воскликнул молодой офицер, а затем, не дожидаясь ответа, сухо раскланялся с Ансбахом и вышел.

– Надеюсь, ты меня не винишь, – проговорил Кирхайс, глядя в глаза другу.

– За что тебя винить? – с некоторой горечью в голосе бросил Райнхард.

– Я указал лишь на дворецкого и его арестовали... А ведь я же знал, как и ты, что он подставное лицо.

– Да причем тут ты? Тебе задали вопрос – он открыл двери смертнику или другой стоял на дежурстве, ты подтвердил, что он, вот и все, – Райни был заметно раздражен и ускорил шаг. – Откуда ты мог знать, что следствие сделает крайним этого несчастного?

– Мы должны продолжить расследование с нашей стороны, – после некоторой паузы обронил Кирхайс. – И вывести виновных на чистую воду... Кстати, вот еще одна интересная мысль.

– Какая же? – Райнхард резко затормозил и испытующе глянул в синие глаза Кирхайса.

– Мне Магдалена говорила, что убить хотели тебя...

– Магдалена? – иронично произнес Райни. – Ну, скажу так, у нее есть причины говорить подобное...

– В самом деле, посудите – кайзер не приехал в последний момент, хотя его ждали. При этом меня не пустили внутрь... Я, конечно, сам виноват, на своем не настоял.

– И хорошо, что не настоял. Полез бы вперед и полег бы, как те трое несчастных, – преврал его Райни, не желавший, чтобы его друг развивал версию, выложенную баронессой фон Вестфален. Сам он не мог не признать, что был в ней свой резон, факты сходились, но полагал, что предполагать, будто бы весь теракт затевался ради него одного, было бы опрометчиво.

Зигфрид же продолжал, не обращая на него внимания, излагать факты:

– Взрыв случился очень близко от тебя, это тоже учитываем...

– Ты думаешь, опять козни маркизы фон Бенемюнде или кого еще? – с усмешкой проговорил Райнхард.

– Не знаю, – признался Кирхайс. – Но не надо отмечать и эту версию.

Они прошли еще чуть дальше. Лицо Райнхарда было бледным и напряженным.

– Давай, присядем, что-то голова закружилась, – проговорил, наконец, фон Мюзель, когда они дошли до небольшого кафе в парке, с открытой верандой. – И да, мы же уговаривались кофе где попить.

– Надеюсь, здесь дают неплохой кофе, – Зигфрид взглянул на вывеску с названием заведения.

Они присели за столик, заказали кофе, и Райнхард сказал:

– Знаешь, я не удивлюсь, если террористы своего добьются. Те, кто должен обеспечивать безопасность империи, закрывают глаза на очевидные вещи. Одного этого достаточно для того, чтобы все распалось... Но есть же масса других проблем, которые никто не решает.

– Ты прав, – произнес Зигфрид. Ему хотелось добавить: «И я верю, что ты добьешься своего», но в последний момент понял, что слова эти прозвучат несколько неуместно.

...Впоследствии он неоднократно припоминал этот разговор. Райнхард же сказал:

– А кофе здесь действительно неплохой варят. Надо запомнить это место. Что ж, у нас хоть проблем с кофейнями нет. В отличие от всего остального...

Они рассмеялись и перевели разговор на другое. Но несмотря на общий легкомысленный тон беседы, каждый из них терзался вопросом: повторится ли подобное происшествие? И кто прав? Может быть, действительно, взрыв – результат действий некоего сумасшедшего маньяка-одиночки, решившего избавиться от кайзера? На эти вопросы ответов они не найдут...

Свой среди чужих

1.

– Не буду от вас скрывать: миссия не из простых. Но ведь вы не склонны выбирать легких путей?

Молодой человек, сидящий напротив контр-адмирала службы стратегического управления штаб-квартиры высшего командования Абендрота, не подтвердил, но и не опроверг сказанное вербовщиком. Лишь спустя продолжительную паузу, он проговорил:

– Итак, все мое задание состоит в том, чтобы я нашел этот носитель с фото и привез его обратно в Рейх?

– Так вы думаете, это слишком просто, капитан фон Мюзель? – усмехнулся его собеседник. – Скажите, вы хоть раз бывали в Альянсе?

Лицо лейтенанта приняло недоуменное выражение. Он не понял, считать ли этот вопрос провокацией, попыткой выяснить его истинные намерения, стоявшие за столь явным желанием отправиться в долгую и опасную командировку, или же обычной ремаркой.

– Но вы же должны были видеть мою анкету... – начал он.

– И родственников у вас в Альянсе тоже не было и нет?

Райнхард уже начал злиться. Что за чушь? Зачем он вынужден повторять одно и то же? Нет, знал бы, не связался с этими особистами... И так уже выставили кучу условий – не напрямую, нет, эти никогда не говорят ничего прямо, но так, что становилось понятно: не выполнишь хотя бы малейшее из них, и тебя устроят гораздо раньше, чем о твоем существовании догадается вражеская контрразведка. Конечно, если она у них там есть, эта контрразведка... По словам Абендрота, Альянс выглядел государством, оставшим от Рейха на несколько столетий безнадежно. «Представьте себе, будто отправляетесь в путешествие во времени», – ска-

зали ранее Райнхарду, описав далее все ужасы жизни в стране мятежников. «В столице вы еще найдете уровень жизни, привычный вам, но отправляем мы вас не в столицу... Так что будьте готовы к самым диким нравам», – сообщил до этого контр-адмирал, оглядев его со скептицизмом: мол, как этот аристократ потерпит удобства во дворе, отсутствие стабильной связи, допотопность техники и неприятные нравы альянсовских «товарищей»? Не запросится ли он обратно через пару дней? Или, тем паче, не перейдет ли на сторону врага, который пообещает ему особые условия и привилегии? На последний вопрос можно было смело отвечать отрицательно. Почему – Абендрот и сам не знал. Наверное, профессиональная интуиция. По поводу же прочего... Этого «брата фаворитки» уже рекомендовали как храброго и дисциплинированного офицера, который много что перенес.

– Скажите мне, что это за фотографии? – спросил Райнхард, проигнорировав необходимость дать ответы на предыдущие вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.